

Алёна Ковыль

Глаз Зелёных зной.

16+

Алёна КОВЫЛЬ

Глаз зелёных зной

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ковыль А.

Глаз зелёных зной / А. Ковыль — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Женский роман о случайной встрече девушки-журналистки и питерского гитариста. У них разные интересы, круг общения, и разделяют их многие километры. Но смогут ли столь непохожие люди найти то общее, что их объединит?

Не знаю, как вам, а лично мне цветные глаза всегда казались невероятными, чудесными и просто красивыми. Они сразу же приковывают к себе внимание всякого смотрящего и завораживают магическим взглядом. И я, как обладательница самых обыкновенных, самых распространенных карих глазок, всегда присматривалась к этому великолепию. Если передо мной возникал представитель сильного пола, я точно знала, куда будет направлен мой пристальный взор молодой незамужней девушки. И если мужчина благодаря матушке-природе уже заранее награжден синими или зелеными глазами, его шансы покорить меня возрастали в сотни раз.

В голубоглазых или же синеглазых я влюблялась чаще. Почему – то именно в этих кристально чистых красках мне виделась чистота души, некая трогательность и беззащитность. Хотя, как и любой другой девушке, мне просто необходимо было, чтобы меня окружал, встречал и провожал на работу крепкий защитник. Но вот этот искренний взгляд делал их покорными и нежными.

Мое пристрастие к мальчикам с голубыми глазами пошло, как и многое в нашей жизни, из детства. Точнее с детского сада " Колокольчик". Первая любовь, под именем Алеша, всюду таскал меня за руку. От одной стенки с игрушками к другой держал исключительно сильно за мою хрупкую ладошку, усаживал за стол обедать или выполнять задание по лепке и рисованию тоже рядом. Тогда только он отпускал мою руку. Как будто я могла упасть, сломать ногу или потеряться в пространстве огромного детского хранилища, если окажусь в полуметре от него. И мне, конечно, было приятно, что меня так преданно охраняют и, наверно, любят. Любят, несомненно, раз так боятся отпустить. Но я и не собиралась улетать от столь преданного поклонника. Первого поклонника. И да, вот у него, того мальчика в полосатых шортах, были как раз голубые глаза. Его родители работали художниками, оформляли вместе городские витрины и познакомились, как и мы, в раннем детстве. Они любовались первой привязанностью их Алеша и шептались, а иногда прямо так и говорили вслух перед нами:

– Вот ведь! И все вместе, вместе. Как мы...

– Поженим их, как вырастут.

И тут же разворачивались, забыв про наше существование, чтобы показать друг другу свежие эскизы витрины кинотеатра или универмага. И как-то раз мы одевались на прогулку. Не помню уже, почему, но в раздевалке мы были последними. Все уже стройно спускались по лестнице. Алеша распахнул дверцу моего шкафчика, прислонил меня к стене и произнес очень серьезно:

– Представляешь, у меня глаза голубые. А у тебя коричневые.

Я посмотрела на его лицо пристально и впервые ощутила эту существенную разницу между мальчиком и девочкой. Он замолчал. Потом, когда спустя минуты две гул детей на лестнице вниз затих, продолжил:

– Но я все равно буду любить тебя. Ты мой друг. Несмотря на то, что мы разные.

За вторым обладателем совершенства под общим названием "распрекрасные глазки" я уже бегала сама и беззастенчиво. Выслеживать и бегать за мальчишкой с соседнего двора было гораздо веселее с закадычной подружкой Ларкой. Она понятия не имела о моей тайной страсти, но указала именно на самого симпатичного парня с третьего подъезда. И вдруг оказалось, что нас объединяет не только дружба отцов, но и общий секрет на двоих. У Володьки тоже были светло-голубые глаза, при этом темные волосы. И он ходил в третий класс. То есть был старше нас, а это здорово. Мы даже не замечали друг в друге нормальной женской конкуренции, не молились на каждом перекрестке, чтобы с противной соперницей что-нибудь да сотворилось в темном переулке, чтобы на нее напали страшные кошки в пустом подъезде и исцарапали всю ее наглую морду острыми когтями. Да так, чтобы знала и навсегда запомнила, как плохо выслеживать объект чужого поклонения, а лучшей подруги – тем более. Чтобы навсегда забыла не только первый его этаж, номер квартиры, класс и время его возвращения

с фотокружка, но и само святое имя-Володька- даже и не думала произносить вслух. Вовсе нет. Мы не соперничали, не выдумывали, кому из нас двоих он больше подходит по разным качествам. Мы скрывались ото всех других девчонок в кустах сирени и обсуждали все деловые и внешние достоинства Володьки. И он знал, что мы обе к нему неравнодушны. А как же не знать? Ведь мы иногда звонили в звонок его двери, но не убегали, как было принято в нашем далеком детстве, а улыбались ему, что-то рассказывали, а уж потом хохотали и бежали стремительно на улицу.

Как я говорила, мой отец и отец Ларки дружили и работали вместе. Отец в ту пору всюю громыхавшей смены эпох, под названием "перестройка" работал заместителем директора на заводе телевизоров и прочей дорогой, но тем не менее доступной техники. Отец Ларки тоже занимал не последнее место на престижном заводе. И частенько они собирались у нас дома. Только уж, конечно, не посплетничать по поводу нового свитера Володьки, а посмотреть почти недоступную кассету на видеке. Нас иногда выгоняли на улицу. А иногда и мы выглядывали из моей детской комнаты, чтобы с открытыми ртами вслушиваться в звуки драк и перестрелок. Голливудские боевики, равно, как и обладатели голливудских мышц, нас не привлекали. Еще бы! Разглядеть цвет глаз в головокружительных сценах, где все гремит, рушится и все несется куда-то сломя голову было нереально. Поэтому наш родной Дима Харатьян грустно смотрел вдаль с вырезанной мною страницы глянцевого журнала.

Наш дом обладал не только техническими новинками, но и множеством книг. Книга-это уже мамин лучший друг. Мама работала актрисой в областном драматическом театре. Такой старинный театр с колоннами. Частенько я прислонялась к этим величавым столбам и представляла, как после премьеры в "Вишневом саде" ко мне подбегает толпа поклонников. С цветами и просьбами оставить автограф в блокноте. Я размашисто расписываюсь и благодарю, благодарю... Но особого фанатизма актеры театра на себе не испытывали- они не являлись звездами эстрады, коих в начале 90-х было пруд пруди. Они спокойно покидали культурное заведение и так же спокойно, может, чуть устало направлялись к домам с одинокими фонарями посередине. Отец даже ни на минуту не беспокоился, что к матери может пристать какой-нибудь маниакальный приверженец Горького и начнет орать на весь проспект, что ждал именно ее всю свою жизнь. Нет. Я ставила высокий стул к стенке и доставала кипу книг. Классиков и современников. Но классиков читала больше, все-таки их постановка входит в обязательную программу любого театра, от провинциального до столичного. От самого крошечного с труппой, состоящей из одного актера до самого престижного, обласканного всеми премиями и нескончаемой народной любовью. Наш драматический тоже был обласкан местными жителями, и по всему солнечному виду матери нельзя было не заметить, какое заведение является для нее вторым домом. Длинными ногами и кудрями я походила на мать с детства. И самые разные гости, как с маминой, так и с отцовской стороны, прочили мне будущее известной областной актрисы. Ну а если повезет, можно и в Москву попробовать после училища. Или в Санкт-Петербург. И я читала. Стихи, прозу, местные и федеральные газеты. Особым спросом у меня пользовались предпоследние страницы, где журналисты брали интервью у знаменитостей или описывали гастроли заезжей иностранной группы. Ларка не отставала от меня. При том, что ее мать работала в поликлинике детским врачом и на игры дочери в звезду не обращала внимания. Мы любили забираться с ногами на наш зеленый, оттенка малахита, диван и читать по ролям большущие детские книги. Чаще всего пьесы Сергея Михалкова.

– Сегодня я буду Зайкой-Зазнайкой, – сразу заявляла моя подружка, раскрывая тяжелую книжку на нужном месте.

– Ты уже вчера была Зайкой-Зазнайкой!

– Вчера мы вообще читали Незнайку!

– Значит, позавчера! Но была уже!

– А ну и что! Хочу и буду!

–Так не честно!– возражала я.– Одно и то же!

– Тогда я не буду читать твои дурацкие книги! И уйду с Юлькой играть в магазин.

–Ладно уж. Если это твое призвание...

Советский Союз затрещал по швам. Яростная толпа некогда соседских республик с нескрываемым удовольствием кинулась делить огромное лоскутное одеяло. Оставив, наконец, по самому маленькому кусочку, но радость их не ведала границ. Импортная техника быстро вытесняла с рынка продукты отечественного производства. И завод теперь уже Российских телевизоров с моим отцом в красном кресле пришелся нехстати. Его закрыли. И может быть, именно этому печальному событию отец посвятил собрание гостей. Хотя только спустя много лет я поняла, как непросто ему пришлось скрывать свое нерадостное состояние. А он на том вечере держался вполне бодро. Гости, куда входила и семья Ларки, тоже пели и плясали, пили и закусывали. Мама в длинном халате меняла пластинки. Один танцевальный сборник сменялся другим. В самый разгар заводного настроения отец Ларки подвел всех к столу, поднял в воздух бокал с шипучей жидкостью и произнес:

– Давайте выпьем за Алису в стране невероятных чудес!

Так как кроме меня за столом не оказалось ни одной Алисы, все устали на меня. Я сначала подумала, что у меня день рождения. Какой-нибудь второй, о котором родители прежде скрывали. По своим личным причинам. Но потом мою голову посетила мысль: а случайно не собрались ли родители завести сестру или брата. Еще чего не хватало! С ролью почти родной сестры успешно справлялась Ларка. Терпеть такие капризы да еще каждый день я просто не смогу, не переживу и, наверно, придется, свалить самостоятельно в Москву. А что? Сотни провинциалов, аж из самой Сибири успешно протоптали себе дорогу к вершинам столичного искусства. А мне гораздо ближе топтать. Но когда все окончательно и с таким же недоумением на лицах, как у меня, замолчали, отец Ларки закончил:

– Нашим детям расти в новом мире и строить то, что не смогли построить мы, их родители. Им продолжать наше дело.

Всем стало резко грустно. Танцы прекратились. А Ларка с тех пор начала доставать, что меня назвали в честь героини знаменитой сказки Керролла. Она даже не поленилась сходить в библиотеку профсоюзов и найти книгу нужного автора. Чтобы изводить меня на предмет схожести с изображением на поблекших страницах. Я тогда окончательно решила, что Володька должен остаться с ней. Ларка умнее меня, раз мне ни разу в жизни не захотелось спросить у родителей о возникновении моего имени. После того самого застолья отец одномоментно сник и начал пить. Наверно, он не поверил, что любимая страна способна на какие-то там чудеса туманного происхождения.

Наши вкусы по отношению к мужскому полу изменились к седьмому классу. Ларка по уши втюрилась в своего одноклассника- двоечника. А я в новенького. Синеглазого Андрея с пшеничными волосами. Он обладал модными узкими джинсами и кроссовками, которые менял чуть ли не каждый день. В то время, как другие пацаны донашивали свои полуживые кроссовки годами. Просто его мать начала работать на рынке. И как-то сразу нашла общий язык не только с остальными родительницами, но и с завучем. Женщиной, всем своим грозным видом показывающей, что именно она здесь главная, а никак не директор. Шмотки в уже середине девяностых нужны были всем, независимо от чина и должности. Андрей не строил из себя ни отличника, претендующего на одну из медалей, ни остроумного пофигиста с задней парты. Его в один миг посадили ко мне на зависть всем девчонкам. Красавчик, похожий на солиста Backstreet Boys. С такой же стрижкой. И сблизило нас не только одна парта на двоих, но и умение Андрея ненавязчиво списывать у меня все подряд, не желая выделяться оригинальностью. Да, я была тоже, скажем так, под стать ему. Не общепризнанная королева красоты. Но почти. Меня таскали по всем конкурсам чтецов, сочинителей стихов. Ах, да, благодаря соседству с новеньким я начала писать первые лирические стишки. Я их называла стишками

потому, что не относилась к ним серьезно. Я же будущая актриса. Зачем поклоннице Гамлета еще умение писать стихи?

И совершенно неожиданно для меня самой после победы на районном конкурсе мне предложили повесить свою личную стенгазету. Боже! Как Ларка радовалась за меня! За мой поэтический талант. Я обрадовалась, но не очень. Стенгазеты росли. И увлечение Андрея мной тоже росло. Думаю, не ноги тут сыграли свою главную роль. А отличные оценки, полученные благодаря моей любви к гуманитарным наукам.

– Ты сегодня... такая красотка, – прошептал Андрей возле моего подъезда.

Одиноким фонарь посередине двора качало от ветра. Сухие листья тополей уносило в кромешную тьму наплывающего вечера. Круг луны чуть виднелся в тонких ветках деревьев. Я дрожала от холода. И от предчувствия скорого признания. Стояла и жалела, что не надела теплые колготки под черные джинсы. Неужели он серьезно полюбил такую мокрую курицу, как я сегодня?

– А разве... в другие дни... я не красотка? – стуча зубами от мерзлого ноября, спросила я.

– А сейчас особенно.

Я не успела забежать в освещенный коридор, как губы моего воздыхателя принялись касаться сначала красных щек, а потом добрались и до моих обветренных губ. И может быть помешал страх перед первым серьезным поцелуем, но разжать челюсти я не смогла.

– Ну что ты... что ты... я думал, ты взрослая.

– Я? Да... Мне холодно, давай потом, – пожалала я плечами.

Какие чувства, когда только и думаешь, как бы скорее забраться под толстое одеяло? С головой. Прямо в этих проклятых черных джинсах. Конечно, о том, что я не умею целоваться узнал его лучший друг. А дальше, по цепочке, узнали и все остальные пацаны. И Андрей начал встречаться с Людкой с параллельного, про которую ходили слухи как про девушку опытную. А что еще надо мальчишкам в средних классах, как не приобретение опыта отнюдь не на уроках химии? Он по-прежнему сидел рядом и на каждой контрольной норовил заглянуть в мою исписанную аккуратным почерком тетрадку. Но я начала прятать свои знания ладонью.

– Ревнуешь?

– Тебя? К этой шалаве?

– Кто тебе сказал такую фигню? – обиженным тоном спросил герой моих снов.

– Все так говорят.

– А ты не бегай за толпой, поняла? Учись! Иметь на все свое собственное мнение. Пригодится!

Андрей встал и начал прохаживаться взад и вперед между рядов парт. Я его все-таки пожалела и дала списать домашку по русскому.

– Мы не были парой, запомни, Алиса.

– Были. Мы гуляли.

– Ты сама меня отвергла. Ты меня оттолкнула от своего тела. Тебе не нужна моя любовь.

– Да иди ты!

Стихи начали рождаться все реже, и стенгазеты прекратили раздражать бездарных одноклассников. А я плакала по вечерам под медленные песни девушек в прекрасных платьях в пол. А под конец весны решила во что бы то ни стало превращать себя в красавицу. В ту, у которой не списывают. В ту, которую обнимают нежно за талию и слушают с замиранием сердца. Ради которой сильные мужчины готовы покорить хоть самые высокие горные вершины, хоть спуститься на самое дно океана. И я начала носить туфли и короткие юбки. Благодаря длине юбок ноги казались еще длиннее и еще стройнее.

– Ты должна была бороться за свою любовь. Такие глаза... И просто так отдала той шалаве.

Ларка сидела у меня дома и листала глянцевый журнал. После вечернего выпуска новостей ее отец притащил моего. Не пришли вместе, а именно притащил. Как говорится, на бровях. В прихожей зазвенели упавшие на пол ключи, потом рухнула полка для обуви, потом полетел зонт, потом, как понятно стало, полетел, отчаянный папаша. Стыдно, конечно. И я плотнее прикрыла дверь своей комнаты. Пускай дядя Валера сам уложит его спать или включит фильм на первом.

– Эти глазки... больше не управляют моим сердцем, – ответила я.

– Ты потеряла всякий интерес к синим глазам?

И Ларка уставилась на приклеенный с тех самых пор вырезанный портрет Димы Хартяна.

– Да. Он больше не в моде.

– Кто из них?

– Никто! Ни Дима, ни Андрюша меня больше не волнуют. Я буду сводить мужиков с ума, как моя мать. И мне на сцену будут лететь букеты красных роз!

– Размечталась, – рассмеялась подруга и начала отдиравать вырезку позабытого кумира от стены.

Из зала отчетливо доносился "Концерт по заявкам телезрителей". Нормально так отец подпевал Газманову и группе "Стрелки", половину слов заменяя своим собственным "ля-ля-ля". Чтобы поддержать отца хотя бы в этом направлении дядя Валера тоже начал басить под "Коммунальную квартиру" "Дюны". На заводе отец занимал место на карьерной лестнице выше, чем седовласый друг семьи. Но когда страна вышвырнула его за пределы бетонного забора, друг протянул руку и через полгода устроил отца на станцию техобслуживания. Простые рабочие мужики были не против после работы принять на грудь и приняли в свою небольшую компанию моего отца. А семейные застоля с шумными гостями за столом и под столом ближе к ночи прекратили существовать, сохранив бывалую прелесть только на полароидных снимках. Это раньше отец помогал приобретать дефицитные детали к магнитофонам, соответственно, и круг его друзей, и близких родственников рос не по дням, а по часам. Вслед за утраченной популярностью и нужностью, один за другим, как вагоны сошедшего с рельсов поезда, из семьи начали исчезать люди. А некоторые остались, как Ларкин отец. Я мысленно была ему благодарна за доставку "посылки" вместе с курьером. И за то, что его дружба оценилась временем, а не количеством подаренных кабелей и прочих шнуров для телика.

– Да ты сама не боролась за своего... кого? Вадика? – наморщила я лоб, когда Ларка снова уселась на место.

– Я просто реально оцениваю свои шансы. Оценила. Прикинула... я не столь привлекательна, как некоторые, вроде тебя.

– Да брось! У тебя модная прическа! Как у той солистки!

– Если уж такую, как ты, бросили, то что могу сделать я? Я провела сравнительный анализ...

– Где ты таких слов нахваталась? – улыбнулась я. – Математик великий! Тоже мне, сравнила она! Линейкой пользовалась, да? И сколько у него в сантиметрах?

Мы с Ларкой расхохотались. А папаша захрапел под неинтересную для его слуха "Агату Кристи".

Как-то раз уже в развеселом мае, когда все одноклассники меняют душные классы на ароматные дворы и сбегают с уроков, я тоже сбежала. Я скрылась из вида от генетики и химии и тихо прокралась в театр. Шла репетиция. Я села с самого края на третий ряд. В зале было темно, и я надеялась, что никто меня не заметит, хотя, конечно, вся труппа знала, чья я дочь. Несколько человек топтались на сцене. Одеты они были, прямо так скажем, не парадно, как будто собрались, чтобы спуститься на второй этаж – проверить почту. И по первым репликам я поняла, что репетируют "Ревизора". Что? Как банально! Все школьники города из года в год

приезжают на автобусах именно на эту пьесу, как будто ставить больше нечего! Как будто школьной программе, кроме Чехова и Гоголя, уж и предложить нечего для театральных подмостков. Так...кто там у нас директор? Впереди, посередине стройного ряда бархатных красных кресел. Ах, да...старый пень. И почему его до сих пор не снимут на общем собрании отдела культуры родного города? Мыслит он шаблонно, а о таком понятии, как креативность, небось, и не слышал. Вот я была бы режиссером-новатором и поставила что-нибудь современное, например, "Трамвай "Желание". Да и зачем репетировать то, что уже ставили сто пятьдесят лет назад? Главный герой забыл свое имечко? Я усмехнулась. Но тут же поняла, что люди стоят на сцене, не знакомые для меня. То есть мать я знаю, а новенькие, наверно, пришли после училища. Все молодые. Время пропущенной генетики тикало, и актеры начали скучать, переваливаться с ноги на ногу, кашлять в кулак, чтобы не потревожить покой загадочного закулисья. Я поняла, в чем дело. А дело в том, что кто-то опаздывал. Девушка, которая играла роль дочери Городничего.

– И долго?...закряхтел "старый пень". Мне показалось, он уже пустил корни от досады и долгого ожидания.– Так и будем просиживать штаны?

Мать в кромешной тьме заметила меня. А кроме меня, на третьем ряду замечать, собственно, было некого. И махнула мне рукой!

– А давайте Алиса почитает за Марию Антоновну. Она собирается в театральный. В этом году.

Мне стало так неловко, но старый граф первого ряда блаженно заулыбался. И я вышла на сцену. Уверенной походкой, чуть поправляя юбку. Мне передали помятый текст и дело пошло, как по маслу. У всех пошло, как по маслу. Кроме меня. Все читали с выражением свои отрывки, а я впервые почувствовала скованность, зажатость, я превратилась в робота. Я не могла пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы всей мимикой и движением рук показать директору свой талант.

– У тебя зубов нет?

– Что?

– Что же ты в таком случае шепелявишь? – разочарованно протянул главный, – Неведомая, поработайте над шипящими. А у вас, наверно, театрального кружка не было в школе?

– Нет...

Я отдала текст матери и покинула зал. А репетиция продолжилась. Позор! Что у меня там после химии? Геометрия? Тоже можно пропустить. Да и вообще не вернусь сегодня в школу, где отсутствует даже так необходимый мне кружок. А ведь зуба у меня действительно нет. И как я раньше сама не обращала внимания на дикцию? Да Бог с ней, с дикцией! Почему я, знавшая и любившая Николая Васильевича с раннего возраста, показала себя абсолютно никакущей. Полным нулем! Разве нельзя было закатить глаза, приподнять удивленно брови, развести руки в стороны? Сделать вид, что у тебя веер в руке и тебе жарко. Я плохая актриса. Я бездарность. Я пришла домой, волоча ноги, как улитка в саду, и рухнула на кровать.

– Ничего, ничего, -утешала потом меня мать. Она начала поднимать с пола разбросанные мною в порыве злости на саму себя книги и складывать на полку.– Если честно, я и не хотела, чтобы тебя касались эти сплетни, интриги. Это тревожное ожидание главной роли...

– Можно подумать, в другой профессии не бывает ни интриг, ни сплетен, ни зависти. Ага, особенно в женском коллективе! Про это снято так много сериалов. Везде все друг друга ненавидят. Для чего тогда я так много читала?

Я села прямо напротив проклятой книжной полки. Мать принялась смахивать пыль с моего компьютерного стола.

– Прекрати, – злилась я. Мне хотелось, чтобы меня утешали и говорили, что еще не поздно подготовиться к экзаменам.

– Чтение книг говорит не о твоём стремлении кем-то там стать, а о твоём желании быть в этой жизни развитым человеком, который способен поддержать разговор, быть всесторонним и интересным в любом обществе, в которое он попадет.

– Серьезный ответ. А с другой стороны, это один театр на весь город, не считая музыкального. И все бы непременно говорили : "Да это дочка Неведомой! Та, что блистала у Рощина. Наверняка, по благу устроили." Да- да, я прямо-таки слышу эти разговоры дам у портретов драматургов.

Мать направилась на кухню, чтобы разогреть любимый отцовский борщ. Со сметаной, зеленью, черным перцем, черным хлебом. Он стал меньше пить. А я, вспомнив все свои достоинства, задумалась о другом институте. Может, все-таки литературный? Я же писала стихи. Но стихи больше не пишутся. Так бывает сплошь и рядом: в детстве или юности пишут, а потом куда-то пропадает желание сидеть в углу с простым карандашом и тетрадкой в клеточку. И улетающая за горизонт рифма растворяется в сероватой дымке предрассветной тишины.

И, кажется, литературный есть в столице, но не у нас. Так, еще... Я гуманитарий. Что еще я люблю, кроме чтения и мужчин? Стать художником и выставлять свои шедевры в местной Картинной Галерее на улице Ополченцев? Родители Алеши, того самого детсадовского приятеля, возможно, помнят меня и помогут с подготовкой. Помогут изобразить в альбоме какой-нибудь нехитрый пейзаж. Нет, мне такой поворот совсем неинтересен. Я уставилась на пустую стену, где висел некогда портретик знаменитости, оторванный за ненадобностью Ларкой. Решено! И это решение заставило меня подпрыгнуть и заорать на всю комнату. Я стану журналистом и буду брать интервью у приезжих артистов! У звезд всех размеров и гонораров, от оперников до эстрадников. И все, читая мое имя на визитке, будут с замиранием сердца произносить:

– Это же дочь той самой Неведомой! Помните, она блистала в пьесе Рощина!

Я бежала по тротуару, заботливо прикрывая голову Ларки большим зонтом в новомодную клетку. Мы обе не поверили тучам, но я прихватила зонт на всякий пожарный. Не зря же я обладаю столь внушительной сумкой! А Ларка все норовила выскочить из-под моего зонта, и летние капли дождя не щадили ее коротких светлых волос.

– Ты со мной? Это будет весело, поверь, Ларка! В один ВУЗ! Вместе!

– Ну да .В коридоре будем здороваться и обсуждать планы на вечер,– быстро ответила подруга.

– Нет, если ты хочешь, то выбирай тв, мне ближе глянец. Я не хочу, чтобы мое лицо мелькало каждый день в семь вечера на шестом канале." А теперь о происшествиях нашего города. Все опять утонули."

Я засмеялась, а Ларка прибавила и без того быстрый шаг. Я закрыла зонт перед тяжелой дверью престижного старинного института.

– Я вообще не хочу мелькать. Понимаешь?

–Нет!

– Я не хочу быть журналистом. Это не мое,– сообщила Ларка в толпе абитуриентов и их родителей.

– Как? Мы же всегда были вместе. Читали одно и то же. Ходили ночевать по очереди друг к другу.

– Ночевать –одно, а учиться и работать –это другое. У меня другой путь. Свой. Так должно быть.

И она подала документы на факультет управления, экономики и финансов. Выбор такого тоскливого "другого пути" меня глубоко разочаровал. Это же так однообразно и скучно! И как-то постепенно ее хвостики с белыми резинками перестали навешать нашу квартиру. Я поняла, что Ларка выбрала деньги и стабильность, а я все еще славилась романтическим отношением к действительности.

Еще во время практики ко мне приклеилось прозвище вечно опаздывающей. Я долго красилась, долго подбирала колготки к туфлям и сумочке, майку- к рубашке и прибежала на радиостанцию к середине эфира. Зато уверенно себя чувствовала в образе идеальной целеустремленной девушки, будущего журналиста. И мне повезло после получения диплома. Меня сразу взяли в областную газету "Вечерний Проспект".

Боже, как же я счастлива! У меня свой стол, стул, компьютер. Свое законное пространство! Мой любимый отдел назывался "культуры и искусства". Как раз это меня и привлекало все 23 года! Я бежала на работу, как на праздник. Радовалась даже больше матери, которая ходила к себе на работу, как на праздник. Я кричала на всю квартиру, когда в газете появлялась моя статья и мое имя: Алиса Неведомая.

– Пошли со мной, – предложила моя новая подруга Вероника в начале лета уже пятнадцатого года.

Ее роскошные локоны не давали покоя председателям Областной Думы. И хотя с виду она походила на типичную блондинку с анекдотов, ее отдел отвечал за новости. Серьезный такой отдел, на две страницы. Даже наш главный редактор перед ее походом на очередное собрание мэрии советовал убрать волосы в ничем не примечательный хвостик. И она так и поступала.

– Пошли. Сегодня у них там что?

– Ситуация с транспортом. Вроде завезли новые автобусы.

– Жутко любопытно! – улыбнулась я, накидывая куртку.

– Жутко!

Розовый плащ и кеды- на такое была способна только Вероника. Она мечтала охмурить какого-нибудь стареющего депутата и свалить в Индию. Чтобы своими глазами увидеть павлинов и прочую живность.

Мы запрыгнули в машину, принадлежащую нашему медиахолдингу и рванули навстречу утреннему заседанию мэра и его друзей. В зале для еженедельных совещаний было сегодня пустовато. Журналисты расселись, как шашки: через одного. Многих активистов местных СМИ мы знали довольно давно. Кто-то так и посещал все собрания в одном и том же ярком шарфике на протяжении пяти лет. Иной же менял блокноты каждый раз, но при этом сверкал фирменной ручкой телеканала, чтобы показать свою значимость над всеми остальными, кто не обладал белой ручкой с красным логотипом.

– Как ты думаешь, – наклонилась ко мне Вероника, – фамилия Зайченко мне подходит?

Я осторожно осмотрела всех присутствующих лиц власти и нашла табличку с фамилией некоего управленца птицефабрикой. Лысый дедуля что-то искал в кармане совкового пиджака.

– Ты хочешь нарожать ему множество зайчат? – пошутила я.

– Я думаю, он на такой подвиг больше не способен. Но я тебе задала прямой вопрос.

– Не подходит. И все тут. Иванцова Вероника звучит лучше. Мне больше нравится привычный вариант.

Мы выслушали доклад руководителя городским транспортом. Вероника сделала несколько заметок в блокноте и еще раз пристально оглядела скучающий народ мэрии.

– Нет, я не до конца тебя поняла, коллега, – продолжила я на следующее утро.

Я сидела на корточках и поправляла шнуры от компьютера, которые нечаянно задела ногой. Под столом перепутанные шнуры больше походили на клубок ядовитых змей. Поэтому я старалась не задеть ни один, даже самый маленький проводочек.

– Чего тебе не понятно?

– Ты думаешь, что без этого самого... сможешь уговорить депутатика свозить тебя в Индию? Мыслишь ты нереально. Какой больной на всю голову увезет тебя в такую даль за просто так? Придется стараться. И ни один раз в день.

– Ты так говоришь, как будто имеешь опыт знакомства с престарелыми плейбоями. Сама-то ни фига не умеешь.

– В кино надо чаще ходить, -почти обиделась я и выпрямилась.

В свой кабинет пролетел ураганом начальник. Да так энергично, что листы "Снегурочки" разлетелись, как стаи белых голубей. Что-то его взволновало, видимо.

– Иванцова, ко мне!

Вероника на всякий случай пристегнула пышные волосы заколкой и испуганно закрыла за собой дверь в святая святых редакции. Главный напряженно стучал карандашом по столу. Он был обладателем седых бровей и легкой седины в волосах. Хотя лет ему было чуть за сорок. Он ходил по коридору широким шагом, никогда не расстегивал пуговиц на пиджаке и вроде был женат. Или почти разведен. Мы так решили с девчонками. Раз он так нас ненавидит, наверно, его бывшая или почти бывшая, устраивает ему вопли и визги ежедневно. Такая стервозная дамочка, которой все мало.

– Ты чем вчера занималась в администрации? -задал вопрос Артем Аркадьевич, продолжая стучать простым карандашом по столу.

– Собирала информацию, выслушивала доклад на тему ситуации с... городским транспортом. Я же все написала.

– Мы!..Откуда ты нахваталась этой! Непроверенной информации.

– Какой? Да я там лично была, на месте. Всех выслушала.

–Ты написала пофамильно всех присутствующих ...

– Ну да. Как обычно.

–Как обычно! Какого...черта ты приписала Ильгиза Мухаметшина?

– Я думала, он всегда приходит.

– Всегда! Как обычно! Он умер два дня назад! Ладно, я успел заметить. Завтра выходим с неточными данными! Ты отдел информации или кто? Так...Чтобы больше я не видел этих... розовых побрякушек. Кукла Барби!

Он выскочил из кабинета, звонко поставив точку последней фразой. И снова от его порывистых движений полетели листы формата А4 на пол. Да как он мог обидеть сотрудницу таким! Кукла Барби? Она вышла из моды лет десять назад. А Вероника хороша и свежа, да и образование имеет, как никак.

– Да я сама лично прочитала эти таблички с именами,– утешала я коллегу в туалете.

– Я, представь себе, тоже видела эти обычные таблички. Тут подумала: он всегда приходит, значит, и сегодня притащился. Откуда я могла взять, что он решит умереть вместо того, чтобы занять свое привычное место ?Возле главного инспектора!

– Это был его выбор. Умереть или выслушивать пустые обещания.

– Наверно, его женушка тоже носит розовый плащ. И весь мой образ напоминает его стерву, поэтому он всю злость перенес на меня. Это логично.

– Логично то, что ты больше не будешь искать себе тайного спонсора среди них,– и я кивнула в неопределенную сторону, имея ввиду здание администрации.

– Надо подумать.

И чтобы подумать над новым образом Вероники, мы решили посетить новый ночной клуб. Немножко танцевали под миксы ди-джея, немножко хохотали после выпитых напитков непонятного на первый взгляд содержания. Представляли, как может выглядеть стареющая баба на грани развода. Вся такая растрепанная, с черной тушью 75 года, в махровом банном халате, в стоптанных тапках на босу ногу.

– А пятки у нее потресканные, -хохотала Вероника, и я вслед за ней.

– Да уж, его зарплаты не хватает даже ей на крем. Его зарплаты вообще ни на что не хватает.

–Только на юных любовниц!

– Любовниц? Ты думаешь, наш Артем имеет наглость...

– Наш Артем имеет статус важного серьезного мужчины! У которого в друзьях вся мэрия, все владельцы ночных клубов и ресторанов.

– И все владельцы птицефабрик!

– Да-да, Зайченко среди них. Поэтому он любую дверь может открыть с полпинка, а ты еще сомневаешься в его наглости залезть под юбку какой-нибудь модельки.

– А похоже, нам вредно пить неизвестно что, – продолжала смеяться я.

Мы сидели на высоких стульях перед барной стойкой. Совсем захмелевшие жены богатых папиков пытались ухватить за локти бармена. Он смешивал виски с колой, получая совершенно фантастический на вид коктейль. И усмехался сам себе, отодвигая локти подальше от девиц. Все правильно, бармен должен быть загадочным, немного отвлеченным от всего происходящего вокруг него. И иметь хороший слух. Обязательно. Иначе просто в вихре музыкального шума не расслышишь, что хотят посетители.

Может, он как раз не расслышал, что нам не надо смешивать нечто и нечто, а налить винишко. Дорогое и красное. Густое красное. А то от пары бокалов мы еле держались с Вероникой.

– Давай подвигаем бедрами! – рванула на танцпол коллега и потянула меня за собой. Мы снова подвигались в толпе молодежи под громкое и однообразное "бум-бум". Как это вообще можно слушать часами? За что платят парню в огромных наушниках? Сам-то он балдеет от своего собственного вида и производимого грохота. Но хотя бы дискотеку 80-х, что ли? Или время музыки немножко "с тех давних пор" выходит на какой-то определенный день недели? Тут Вероника начала падать. Вернее, споткнулась на ровном месте, и я поняла, что пора вызывать такси.

Всю ночь я пила воду. А утром начала вспоминать, зачем мы притащились в клуб. Вероника вышла из ванной, завернутая в мое полотенце. Понятно, что она ночевала у меня. А я живу одна. Самостоятельной взрослой жизнью. Один из приятелей отца сдал мне свою однушку, а сам свалил покупать недвижимость ближе к морю.

– Ты зачем так напилась? – стараясь делать строгий вид, спросила я.

– А ты? Сама не отставала.

– Не вали с больной головы на здоровую. Кстати, голова в порядке полнейшем. Значит, за качество организация отвечает по всем нормам и правилам.

– Мы горевали из-за начальника.

– Нет! Мы с самого начала хотели подумать о твоём новом имидже. И так, забываем все розовое.

– Ты представляешь, как можно забыть розовый, причем, ярко-розовый плащ? Ты в своем уме? Да он мне снится будет ночами!

Я разлила кофе по чашкам и разрежала треугольник российского сыра на кусочки.

– Ну ладно. Ну ты ведь можешь носить свой любимый плащик на улицу. Просто так. Просто выйти в магазин за маслом.

– Вредно много масла.

– Да я сказала для примера. За мылом, за гелем для душа. А на работу что-нибудь другое купи. Серое, например. Чтобы не раздражать главного. А что, серый в моде, как раз.

– С плащом решили. Буду носить куртку, у меня висит на вешалке апельсиновая курточка. Но как мои мысли покинет желание уплыть на белоснежном пароходе в Индию? А для этой идеи нужен спонсор.

– Ну так вовсе не обязательно искать спонсора в стаде набитых кошельков.

– Ага! Студент строительного отдаст свою стипендию на наше общее путешествие. Так я и жду сию. Бедного-пребедного мальчика с наушниками в ушах.

– Кстати, ди-джей неплохо зарабатывает.

–Кстати, скоро что?

Я вспомнила, что на носу предвидится день молодежи. А там можно не только поорать от души, от души попрыгать на свежем воздухе, но и написать внушительную статью с интервью и фотками.

– Мы обе не замужем, так?

– Так.

– Так что я буду смотреть на первый ряд.

– Вероника! Там не будет рядов. Это не концертный зал! Это открытая площадка.

– Первые ряды есть всегда и везде. Поэтому и ты тоже смотри на сцену, но и про себя не забывай.

– Я буду делать свою работу, -призналась я и распахнула окно настежь.

День молодежи, запланированный на 13 июня, приближался мгновенно со скоростью падающего на Землю метеорита. И надо же(какое совпадение!) выпал на пятницу. Я не поверила суевериям и была полностью уверена в том, что ничего трагического со мной и моей Вероникой случится не должно. Действительно, коллега оказалась права: ряды находились в непосредственной близости к новоявленной сцене. Но все юные создания ради одной привезенной звездочки тянулись к самому краю разграничительной полосы. Причем я не поняла, для чего были собраны музыканты разных направлений. Тут и рок, местный и приехавший с культурной столицы страны, и попса ни о чем, для зреющих школьниц. И под конец, вернее, перед салютом, мега- талантливый патриарх эстрады. Столь разнообразное меню, видимо, подбиралось с учетом всех интересов всех возрастов. А бабушки тоже пришли с новостроек в надежде увидеть и услышать "того самого".Неплохо, кстати, связь поколений всегда приветствовалась.

Но зря я не задрожала от числа "13".С самого начала зарядил дождь. Мелкий, противный, отвлекающий.Бабушки зашуршали зонтиками в горошек, а молодые и развеселые радовались всему происходящему сегодня в радиусе не одного километра.

– Ну вы только посмотрите на нее,– сделала мне замечание Вероника.

–Что не так? Я встала не в свой ряд? Мое место около обладательниц платков и зонтиков?

– Ты какого черта нацепила босоножки? Час прошел, а прикинь, сколько еще продлится концерт? Ты будешь стоять по колено в воде.

– Ну не могу я носить кроссовки, ясно?

Я разочарованно убрала фотоаппарат, чтобы не промочить под ливнем и все так же пристально наблюдала за творящимся на сцене.

–Ты уже выбрала, у кого будешь брать интервью? Лучше у гостей города. Спросишь, как им у нас, как встретили.

–Да знаю я!– зло ответила я, сама не понимая причину собственной раздражительности.

Минут через десять местные фольклорные ансамбли закончили приготовленные песни и пляски, и ведущий представил гостей с Питера. Мрачные парни в черных футболках играли такую же, схожую с их внешним видом, депрессивную музыку. Следующая песня более соответствовала атмосфере праздника: бодро и оптимистично парни пели о конце света. Тексты еле слышны при такой погоде и всеобщем восторге публики. Но главную роль на сцене сейчас играл не разумный смысл каждого слова. Их гитарист с небрежной челкой...Все так орали, как будто знали его сто лет.

– Я готова! Все! Я придумала, у кого брать интервью,– я начала пробираться через толпу к освещенной палатке для артистов.

– Подожди! Все пришли ради вон той! Вон она, уже выходит с микрофоном! Да все девчонки только и ждут ее выхода!

– Это банально, Вероника!

Вероника дернула меня за край куртки и прошептала :

– Ты что? Влюбилась в этого пацана? В этого панка? Ты в своем уме? Он тебя слушать даже не станет.

– Куда он денется? Я имею право задать ему вопрос. Пару вопросов. Три вопроса.

– Да ты посмотри на себя и на поле! Там грязь непролазная!

– Это будет убойная статья!

И я лихо скинула босоножки и зашагала по грязному мокрому полю. Ставшая от воды темно-зеленой трава проваливалась под моими ногами. Холода я не чувствовала, мною двигало профессиональное чутье на удивление начальника. Я отчетливо видела перед собой картину крупными мазками: мой главный редактор орет на весь кабинет, какая я молодец и как он верил в меня все эти годы. Ну и образ героя- гитариста не мог остаться не заметным. Надо же так уметь : все выступление смотреть не на толпу безликих людей ,а себе под ноги.

– Алиса Неведомая, газета " Вечерний Проспект ". Можно Вас...– я заглянула в блокнот,– группа "Вечный покой"... на пару вопросов?

Успев за время моего пути к нему немного "принять на грудь", парень в черной куртке вышел и выпрямился, наконец, передо мной.

– Алиса?

Он был выше меня на целую голову, широк в плечах ,небрежен на вид. Но что-то дьявольски привлекательное было во всем его виде, который по закону жанра должен был отпугивать. Я повторила свой вопрос и свое имечко.

– А в каком году ты родилась?

–В 85-м,ну и что?– растерялась я и забыла обо всем на свете.

– Тебя назвали в честь группы "Алиса"? Ха-ха!

От смеха его чуть отшатнуло. Он заглянул в палатку, махнул приятелям и снова посмотрел на меня.

– Нет, меня назвали в честь Алисы в стране чудес.

– Нет. Твой отец послушал первый альбом рок-группы "Алиса" под названием "Энергия".И эта музыка его вдохновила дать имя тебе. Правда, официально пластинка вышла только в 88-м.Но ,возможно, твой отец добыл ее в секретной лаборатории. Прикольно!

– Да нет же! Мой отец никогда не слушал рок. И вообще...и вообще...Я журналист. Мы хотим узнать ваше мнение. Итак, назовите, как зовут лидера вашей панк -группы.

– Лидер-это я. Игорь Краснознаменский. Ты сегодня позвони отцу и спроси, он точно так скажет, как я только что,– шепнул он мне на ухо.

– Продолжим! Почему вы- "Вечный покой"?Это название имеет двойной смысл?

– Ну у нас есть такая песня. Суть ее в том, что скоро все умрут.

Он опять уронил взгляд себе под ноги. Мне стало как-то совсем не по себе: босая, в грязи по щиколотку, с босоножками в руках. Игорь молчал.

– Слушай, давай завтра.

– Завтра вы уедете. Обратю в Питер,– жалобно протянула я и чуть не заплакала.

– Ну...оставь визитку, там телефон, адрес в сети. Завтра я все расскажу про "Вечный покой" и когда нам его ожидать.

Я протянула визитку, поняв, что от меня просто хотят отделаться. Наверняка, этот высокий парень сейчас ее выкинет в мокрую траву и навсегда забудет о моем приходе. И я потерянно пошла искать Веронику. Высоко поднимая колени под крики молодежи, я твердо решила, что ни за что близко не подойду к кумиру малолеток в блестящем платье без лифчика. Мне нужен Игорь, панк с Питера. И завтра я еще смогу догнать его в другом городе.

Все выходные я провалялась в постели. Шатание босиком под летним ,но все –таки дождем, не прошло даром. Заработала насморк и хорошо, что не пришлось бежать в срочном порядке в аптеку: все капли и таблетки находились под рукой в нижнем ящике комода. Я пересекала комнату по диагонали и не могла понять, почему Игорь отказался дать мне интервью.

Я не так выглядела? Я не так подошла? Или он просто был пьян? И понимал, что может ляпнуть "не то"? А почему, собственно, он выпил так быстро, только соскочив с площадки? Ах, да, у них там в порядке вещей- принятие до и после концерта. И откуда местные представители юного поколения знали о творчестве питерской группы? Если они так активно скакали и подпевали, значит, группе не один год? И уж точно эти дети купят газету с моей статьей и вопросами, которые я все равно надеюсь задать Игорю. Игорь...красиво звучит. Игорь и "Вечный покой". Князь Игорь и дружина. Князь? Имя как раз одного из лидеров панк -движения. Ну и что же он не звонит? Я так и знала, что Игорю до лампочки моя визитка и номер моего телефона. Хотя...хорошо, пускай не слышит мой охрипший голос и тем более не становится свидетелем вытирания красного носа.

– Ну и как он тебе?

Вероника с невероятно серьезным лицом возвышалась надо мной. Я удаляла неудачные фотографии, сделанные во время пятничного праздника. Никогда не понимала и не пойму, видимо, людей, фоткающих салют. На картинках цветные капли на фоне черного неба смотрятся, по крайней мере, непрезентабельно. А я снимала удивленные лица незнакомых людей.

– Кто?– наморщилась я, удалив еще один снимок.

– Кто? Ты спрашиваешь?

– Кто из них?

– Питерский мальчик! Кто же еще?

– Хам, не большого ума. Вот именно мальчик! Ни капли уважения к человеку творческой профессии. Тем более к девушке. Алкоголик, сто процентов.

– Ого! Какая обширная характеристика. И, получается, не смогла...

– Не смогла!

Я зло удалила не тот кадр по нелепой ошибке. Выругалась про себя и ,наконец, посмотрела на Веронику.

– Я просто сдам статью. Без похода к мальчикам.

– Подожди. В пятницу ты бежала к нему со всех ног, даже босоножки сняла, чтобы бежать быстрее. А теперь мне впариваешь, какой он гад?

Артем Аркадьевич, наш ураган, не долетел на сей раз до кабинета, а приземлился в центре редакции. Усмехнулся, глядя на Веронику. Видимо, ему пришелся по вкусу ее выбор: серая водолазка и такого же оттенка юбка-карандаш.

– Утро доброе, коллектив "Вечернего Проспекта"! На неделе нам предстоит поход в развлекательный центр "Панорама".

– Опять?– кто-то разочарованно загудел за спиной.

– Да, опять. И опять конкурс караоке. Будем петь! И ты, Виктор, идешь с нами. В последний раз, как все помнят, победила Алиса. Мы заняли первое место среди семи коллективов города!

– Ну да..."Младший лейтенант" у меня получился,– пожала я плечами и улыбнулась вместе со всеми.

– Готовьтесь. А я к себе.

– Уж лучше бы он баню любил, правда, девчонки?– спросил бородатый Виктор, ведущий программист. Человек замкнутый и не фанат любых проявлений коллективизма, как он сам называет все выездные мероприятия.

– А ты думаешь, это я прямо обожаю петь?

– А как же! Первое место! Репетируешь в ванной? В душе?

– Витя, уймись, -отмахнулась Вероника, словно ей было совсем нечем заняться, кроме как расспрашивать меня о личной неудаче.– Говори, что между вами произошло?

– Я ему не понравилась, короче.

– Так это было ясно с первой секунды! Он отказал тебе.

– И при этом развернул какую-то фигню, что типа меня назвали в честь старой рок-группы.

– Правда?

– Конечно, нет. Мой отец не рокер и не панк. И не хиппи. Обычный мужик в белой рубашке с закатанными рукавами.

– Стой. Увеличь.

Вероника увеличила собственноручно фотографию "Вечного покоя" на сцене. Пол-лица Игоря прикрывала челка шоколадного оттенка. Пальцы ловко застыли на середине грифа гитары. Я заметила, как коллега причмокнула.

– Что?

– Жалко, что ты не добила от него хоть одного мало-мальски значимого ответа. Что-то есть в его пофигизме, в его отрешенности от мира толпы и блеска, – она разделяла задумчиво каждое слово.

– Ну... ну может, мы еще увидимся. На другом фестивале. На другом концерте. И у него появится желание...

– Желание?

– Не меня поймешь, естественно! -я толкнула в шутку Веронику локтем, чтобы она шла по своим делам на свое остывшее место. -А рассказать подробно о творчестве группы с берегов Невы.

Я возвращалась с работы грустная, как любая из героинь датских сказок Андерсена. Стояла на остановке, пропуская один автобус за другим. Не хотелось втискиваться в набитый салон и прижиматься всей грудью к студенту вечернего отделения под монотонную музыку колес. Музыка... Она везде. Опять корпоратив с целью сплочения коллектива, создания атмосферы единой организации, дружбы и взаимодействия. Редакция газеты не славилась верными и преданными друзьями, которые посещают коллег за соседним столом в выходные и активно приглашают на майские вылазки с шашлыками и выпивкой. Все или почти все давно женились - переженились. Виктору неплохо спалось и елось в обнимку с двумя или тремя компьютерами. Мы с Вероникой более остальных ходили на подруг. Но я на ее фоне меркла, как погасшая свеча. И ей бы, наверняка, нет, точно, не отказал в интервью Игорь. Просто потому, что она ярко покрашена. Я сама любитель ухаживать за собой, покупать всякие баночки с питательным кремом и маски для волос известной фирмы. Но ее ноги просто от природы длиннее, грудь больше на пару размеров. Да и опыт в общении с противоположным полом не последнюю роль играет. Вероника имела за плечами опыт проживания с парнем на одних квадратных метрах. Теперь же ее цель в выборе спутника жизни ясна и изменять своей цели она не торопилась. Вероника любила иногда ночевать у меня. Я даже специально для нее купила зубную щетку. Дорогую, чтобы надолго хватило. Она тогда посмеялась, что я ошиблась с выбором цвета. Но я фиолетовый любила больше розового. И сближало нас не только стремление ухаживать за лицом и каждым участком тела, но и вообще мы обе были не замужем. И нам хотелось обсуждать молодых и горячих непринужденно и весело.

Я так задумалась, находясь на свежем воздухе о предстоящем концерте, что чуть не пропустила телефонный звонок. И вместе с телефоном, прижатом к уху, вошла в набитый микроавтобус. То ли сонный, то ли пьяный. То ли только что очнулся от трехдневной пьянки. Это был Игорь. Я узнала его низкий тембр. И представила его в таком виде: небритый, лохматый, рука, свисающая с кровати. Непонятно, конечно, на какой кровати развалилось его неухоженное тело. И все с приставкой "не". Может быть, он все выходные без передышки играл свои заунывные и местами прибодряющие песни по городам и весям, а уснул к обеду. И медиатор еще помнит прикосновения его крепких пальцев.

– Да! Да! Это Алиса!

– Я запомнил твое имя. Рок-группа. 83-й год...

– 85-й, вообще-то.

– Чего?

– Я родилась в 85 году. Но дело не в этом. Ну, короче, я рада, что ты вспомнил обо мне.

Дальше меня начали прижимать к сиденьям те самые студенты вечерних отделений, тетки с малышами и школьники с рюкзаками, похожими на перезрелые арбузы. Еще бы! И учебники, и сменка- все в одном ранце. И планшет, наверно, там же. И я ничего не расслышала из той информации, что пытался донести до моего сознания герой моей будущей статьи. Убойной статьи. От резкой остановки транспорта я чуть не выронила телефон, а когда очутилась на улице, на экране мобильного красовалась моя ничего не значащая заставка в синюю волну.

Уже неплохо! Меня вспомнили! Мою визитку не выбросили, и мальчик из Ленинграда не забыл мое имя. Хотя в его фанатках значится не одна сотня девчонок, я в этом просто уверена. Выходит, знаменитая группа солидного возраста для него много значит. И он слушает их песни с самого утра и до вечера. А на стене в его спальне висят плакаты с концертов, начиная с ... Сколько же лет самому Игорю? С самого его детства. И он хранит аккуратно разложенные по книжным полкам кассеты и диски любимой группы. И конечно, в его арсенале не один автограф кумира. Кое-что вырисовывается. Я остановилась около мусорных баков светло-синего цвета. Две наглые вороны дрались из-за полиэтиленового пакета не первой свежести. И не второй. И даже не третьей. К чему мне так важна обстановка в квартире Игоря, его стены и потолок? Не жить же я с ним собралась. А всего лишь написать статью. И после нашей встречи я забуду навсегда и название его чудо – группы, и его челку шоколадного оттенка. Ну, может, челку и не забуду. Но зачем я думаю о мотивах, влияющих на его мировоззрение?

Главный редактор притормозил около моего стола, едва я нажала с утра на первую кнопку компьютера. Я придерживала рукой упаковку белых листов, но главный застыл, как вкопанный и не думал уноситься с бешеной скоростью.

– Неведомая, а что ты делала на дне молодежи?

– Так я же принесла материал.

– Ты все видела? Своими глазами? У тебя хорошее зрение?

– Зрение так себе. Минус. А что? Я что-то пропустила? Выступление мэра?

– Там выступали творческие коллективы! Кучи звезд! Где интервью с этой... от которой школьницы пищат?

Почему все так банально устроено в мире? И Вероника хотела, чтобы я писала про обычную звездульку, теперь и Артем Аркадьевич туда же. Таких, как эта раскрашенная пустышка- полно. Какой канал ни включи, какой журнал ни открой. Про какие творческие планы она может мне рассказать? Про то, за сколько сделала накладные ресницы в салоне красоты? Как она слетала за границу в туфлях от Гуччи? Да, большинству она нужна. Но и панка любят. Те же самые школьницы. Я же сама видела, как они пищали, как выразился главный.

– Интервью будет. Скоро. Зачем кормить читателя сразу всеми блюдами?

Это я так остроумно отмазалась? Какая я настойчивая! Как я отстаиваю право героя моей будущей статьи на существование в "Вечернем Проспекте"!

– Ммм... Согласен. Но ты что-то делала? Набросала?

– Да! Конечно.

И он полетел. Листы не разлетелись в разные стороны. А фоторамка упала лицом вниз. На этой фотке запечатлелось мое довольное выражение лица и напряженное- Кирилл Леонидовича Сметанина. Кирилл Леонидович- директор кукольного театра и по совместительству мой постоянный и непривередливый респондент.

Ему было сорок. Ровно сорок. Он носил полупальто с крупными пуговицами. Почти круглый год. А летом оливковый тонкий пуловер. И по темпераменту, и по опущенным бровям он походил не на Буратино, чье имя носил театр. А, скорее, на Пьеро. Серьезный сосредоточенный взгляд и руки, свисающие вдоль тела. Такие обычно работают не ради большого кошелька,

а исключительно интереса ради. Понятно, что его кошелек часто пустовал в одиноком кармане, но печальный образ Кирилла волновал мое женское сердце.

Как я уже говорила, отец не ревновал мать ни к поклонникам чеховских трех сестер, ни к режиссеру-староверу. Поэтому когда ее проводил до дома директор –кукольник, отец так же не нашел повода, чтобы устроить скандал посреди вечернего багрового заката. Он пожал Кириллу руку и продолжил дальше смотреть любимый сериал про дальнбойщиков. Я же увидела в скромном типичном директоре просто идеал мужчины. Черные волосы, черные глаза. Впервые- надо же!– глаза черного цвета. Я не выношу черный. Это цвет подросткового протеста. Это цвет вечного бунта. И я не в курсе, какие такие отношения связывали мать с Кириллом Леонидовичем. Он ее просто провожал или не просто? Но дети не выносят людей, которые способны разрушить гармонию семейной повседневной жизни. И на месте отца я бы прямо спросила, что их связывает. Зачем он ее провожает? И зачем она так неестественно смеется на кухне, когда наливает ему чай. Черный чай. Цвета его глаз.

Я поставила цель и я ее достигла. Ха-ха. Какую цель? Сделать так, чтобы кукольник перестал интересоваться моей матерью. Ему было тогда тридцать, мне -на десять лет меньше. Он вошел в квартиру и молча уставился на потертый угол прихожей. Я сбегала в зал, выключила музыкальный канал и вернулась в прихожую.

– А...матери нет?

– Она скоро должна прийти. Разве Вы не знаете? Сегодня генеральная репетиция.

Моя рука плавно улеглась на бедро, а подбородок упирался в плечо, словно я позирую посреди пляжа. Я его разглядывала снизу доверху. Мне не терпелось его задеть, унижить, показать, кто в доме хозяин. Нет, не отец, который сделал вид, что ему все равно. А я. Сегодня я побуду за главного. Главнейшего. Так уж и быть. Что она в нем нашла? Ну да, он тоже поклонник театрального закулисья. И им, сто процентов, есть о чем говорить с утра и до вечера. Он делится своими чувствами по поводу "Стойкого оловянного солдатика",она- восхищается своим присутствием на сцене и каким-нибудь авторитетом из МХАТа. И только? Если он занял пост директора в столь раннем возрасте- значит, Кирилл обладает деловыми качествами и хороший организатор. Образован, начитан и спокоен. Меланхолик. Ревет и рвет на себе волосы, если Курочка Ряба уронила ножку. Представляю! Смешно! И непременно, непременно, он умеет говорить матери комплименты и готов делать их бесконечно. Каждая актриса обожает, когда рядом есть некий воздыхатель, постоянно воздающий похвалу по поводу и без. За это мать его и полюбила. Полюбила ли? Или он ее превозносит, а она и рада? Или все-таки?..Все-таки между ними пробежала искра?

Я вспомнила, как еще совсем недавно мечтала поступить в театральный. Я –Офелия! А товарищ, сделавший бровки домиком -мой принц датский. Не похож? Ну да ладно! Но я -чур!– Офелия. И я задрала подбородок еще выше.

– Разве Вам, Кирилл Леонидович, не интересна генеральная репетиция? Вы же непременно должны знать, что именно на генеральной ставят все точки над "и". И?

– Да, я знаю.

– Почему же Вы, Кирилл Леонидович, пришли так рано и так неестественно молчите? Словно мы чужие.

Он смотрел на меня виновато. Так и хотелось схватить кисточку, окунуть ее кончик в краску и нарисовать на его щеке слезинку. Черной-пречерной краской. По-моему, в его жилах течет восточная кровь. А он ничего так. С матерью не смотрится. А со мной? А со мной... он сегодня ни о чем не пожалеет. И я прижалась к нему.

– Я же заметила, -прошептала я, боясь выйти из роли и засмеяться,– как Вы на меня заглядываете. Я молодая, смелая и сказочно...

Не пришло мне на ум, что я могу сказочно и я просто и нагло начала целовать его правую щеку.

– Бедный мой...эти куклы...такие неживые. А ты живой, я это знаю, -шептала я ему прямо в ухо, прикасаясь робко к губам.– А у вас была постановка "Тысячи и одной ночи"?

–Нет,– ответил Кирилл, не размыкая губ.

– Бедный мой. Они погубили тебя. Они заколдовали твое сердце...Я все делаю...сегодня. Сейчас.

–Алиса...

Он сдался под моим напором. Я начала расстегивать большие пуговицы его полупальто, но он сам разделся и прошел за мной в комнату. Я не зажигала света. Мы целовались в полнейшей темноте. И мне казалось, что вот-вот кто-то постучит, и я заору от страха. От страха и от боли. Ведь с минуты на минуту директор кукольного театра станет моим первым мужчиной.

Боли не было. Не знаю, почему, но мой организм не проникся ни счастьем, ни самыми приятными ощущениями первой близости. Нам обоим стало жутко неловко. Мне от того, что вроде как я увела парня у собственной матери. Но даже если не увела, то отдалась не по огромной и взаимной любви, о чем написано- переписано в старых книгах. Свет так и остался не зажженным. Наверно, мы оба боялись посмотреть в глаза друг другу. Потом мать явилась с репетиции. Застав Кирилла в прихожей в одном ботинке, она развернула его на кухню и усадила, чтобы прочесть отрывок из завтрашней пьесы. А я спряталась в ванной. Роль свою я выполнила, но моя ли это роль?

Я подняла фоторамку и ласково провела пальцем по стеклу. Что там у нас с убойной статьей? А то наобещала в три короба, а вдруг он отвечает однообразно и скучно. И ни проблеска интеллекта в глазах. Я раскрыла помятый блокнот, пробежала глазами по списку вопросов. Традиционные вопросы на тему "как вас встретили в нашем городе" и про творческие планы. Тут он начнет рассказывать в мельчайших подробностях о записи нового альбома, полного тоски и шрамов на сердце. О том, какую важную моральную составляющую несут его слова для поколения умных и независимых. Конечно, скажет, какая музыка влияет на него и его музыкантов. А что если узнать про личную жизнь? Это не покажется Игорю вторжением в запретную зону? А то он развернется, а я побегу на каблуках за ним. Все-таки спрошу. Представляю, не женат. Даже очень хорошо представляю. Вокруг любовницы юные и перезрелые с черными тенями под черными бровями. И каждая в тайне умирает, вспоминая по ночам, как он случайно посмотрел на нее в толпе маленького рок -клуба. И пишут ему на стене признания в любви. На стене в подъезде? Нет, не актуально. На стене в социальной сети. Каждый день. Каждый день -разные. Одних фанаток он удаляет, других присоединяет, с третьими вступает в кратковременную связь. После выброса адреналина и пары бутылок пива сгодится любая. Или у героя моей будущей статьи имеется определенный вкус на девушек мечты? Например, на шатенок? Ну почему обязательно шатенок? Только потому, что это мой цвет волос? Блондинки популярнее во всем мире. Потому что их мало. С годами становится все меньше. Поэтому шанс понравиться у Вероники больше, чем у меня. Она хоть и крашенная, но обладает светлыми волосами. А мужики, наверно, не разбираются, кто перед ними: натуральная блондинка или только что из Салона красоты. Что я несу? Совсем с ума спятила! У Вероники свой план по завоеванию депутата или приближенному к нему. И никакой неформал, даже самый симпатичный и перспективный не сможет отменить ее мечту о поездке в Индию.

В субботу прямо с утра, поев наспех бутерброда с копченой колбасой, я ринулась к родителям. Мать пекла блины. Видимо, не по случаю моего приезда- я же не сообщила о намерении их навестить. Отец зашивал тапочки толстой иглой и смотрел выпуск юмористической передачи на втором канале. Зачем он шьет? Разве у них закончились деньги на новые? Просто занять себя нечем. Просто настроение такое трудовое, что руки сами тянутся что-нибудь сделать. Я кивнула ему. Он продолжил хохотать, повернул голову в мою сторону, но шутки занимали его больше приехавшей, не пойми какого черта дочери. Я присела на колени и начала с дикой скоростью швырять пластинки золотой коллекции восьмидесятых. Обложки, некогда

занимавшие меня в детстве, отцвели и на них навсегда отпечатался круг вложенного внутрь диска. О! Моя любимая! "Меланхолия"! Хочу послушать. На чем только?

– А на чем можно послушать?– спросила я отца, показав ему пластинку Софии Ротару.

– Ни на чем. Вон смотри, передача про вас. Про молодежь.

– Ни на чем? Тогда зачем вы их храните? Только всю нижнюю полку занимают.

– На память. Бывают же моменты, когда листаешь альбом. Курорты, ля- ля -тополя. Вон смотри, как кривляется! А ему, знаешь, уже сколько лет! Почти семьдесят!

Я выложила всю стопку старых воспоминаний на пол. И надо же, среди пластинок из рока оказалась только "Ария". Только вот совсем не припомню, чтобы кто-то ее слушал. Может, эта вещь принадлежит отцу Ларки?

– Это ларкин отец принес? Верни ему. У него, наверно, есть еще проигрыватель.

– Чего? А! Наверно. А я не знаю, как эта группа у нас оказалась. Наверно, матери кто-то принес. Из театра кто-нибудь. А этот! До сих пор бороду не сбрил! Лет тридцать ходит с бородой!

– Да это имидж его! Ты как маленький! С какого театра? Был бы еще Моцарт или Гайдн, я бы поверила, что ее мог принести Кирилл Леонидович. Но рок вообще не имеет никакого отношения к театру.

– А если они собирались поставить рок-оперу? Вот пристала...сядь, обрати внимания, что люди говорят, остроумные. А не ваши там, наркоманы.

– Да не буду я смотреть за твоих маразматиков.

Я сложила все на место и закрыла шкаф. Выпрямилась, но так и не нашла ответа на свой вопрос. И все? Больше не было в доме пластинок?

– Значит, Игорь сам придумал такую ерунду. Я так и знала, что это ерунда. И меня назвали не в честь легенды русского рока.

– Да. Тебя так и назвали. В честь легенды русского рока. Но тогда...какая легенда... начинающие...молодые.

– Как? И ты молчал тридцать лет? Ты скрывал от меня тайну моего имени?

– Я не понял. Ты статью пишешь? На тему? Принципиально важно? Иди чай пей.

Я загородила отцу экран своим телом. Он отложил подшитые тапки в сторону и уперся крепкими ладонями о колени.

– Группа "Алиса" в 85 году выпустила альбом "Энергия". Я послушал с ребятами. Это был прорыв, сила и мощь! Потом ты родилась. Ну и Алиса. Я придумал! Моя идея! А что? Неплохая идея!

– Ты оригинал, конечно. Но не сходится. Эту пластинку народ услышал года через два. А не сразу и не вдруг.

– А не сразу и не вдруг! Кем твой отец работал? А то, что Пашка...Павел Ильич туда-сюда на поезде...Позвони ему, он своими глазами видел зарождение рок -клубов. В Ленинграде сколько раз он был! Кто тебе привозил фломастеры? Он, из Ленинграда. У него появилась запись. Откуда он ее откопал, у него потом спросишь, но мы все слушали и заразились ветром...ветром...ветром энергии.

– Ладно. Никогда не думала, что ты такой фанат Ленинградского рока. По тебе даже не подумаешь.

– А что, я должен был вместо пиджака носить черную майку с надписью "Алиса"? У меня уже росла своя Алиса,– улыбнулся отец и я предоставила ему возможность дальше наслаждаться творчеством престарелых юмористов.

Губы Вероники при тусклом свете караоке-бара приобрели оттенок перезрелой сливы. Ее шею украшала массивная бижутерия, которая выглядела весьма неуместно и отяжеляла хрупкую фигуру почти супермодели. Наш главный надел выдавший виды пиджак с потертыми рукавами, но зато без галстука. Расслабленным и довольным предстал пред нашими очами.

Когда я приземлилась рядом с Вероникой на диван-облако, некая девица из рекламного агентства уже пела надрывно. Старинный русский романс. Занесло! Я бы не стала! Не потому, что я не любитель туманных дорог и задушевных полосок берез. Нет. Романсы и меня согревают зимними вечерами. Я бы просто с ума сошла, представляя, как другие томятся в ожидании, "когда же она закончит эту длинную песню".

– А где наш фанат мышки?– спросила я.

– Виктор? Вон он! Что-то требует от бармена,– отмахнулась коллега со сливовыми губами.

– Сто пятьдесят? Водочки? А не придется ли нам его волочить потом на себе?

– Ты думаешь, он дома перебивается с петрушки на зеленый чай? Бухает, небось, как все. Это он делает вид. Для нас. Что ему все по боку, кроме шнуров и файлов.

– А он правда, с мышкой спит?

– С кошкой! У него кошка!

– О! Соскучились? Я так и знал!

Язык программиста развязался с непривычки после выпитых граммов беленькой и роденькой. Он сел, вернее, свалился, между нами, приобняв обеих за талию.

– Кто там никак не доедет до калитки?

– Рекламное агентство "Провокация".

– "Провокация"? Весьма неподходящее название для рекламщиков. Больше подходит для стриптиз-бара.

– А Виктора потянуло не в ту степь,– усмехнулась я и наклонила голову в бок, чтобы рассмотреть его повнимательнее.

– Не в ту степь третий час ползет наша конкурентка. А я в норме. И тоже, так уж и быть, поддержу наш коллектив. Родной как-никак.

– Неужели ты споешь?

Виктор не пел. Он посещал развлекательные мероприятия для всеобщего сплочения чисто формально. Или не посещал вовсе. В случае пропуска никто же не вызовет родителей к директору или выскажет строгое мнение на классном собрании. Ну не захотел человек прийти, чтобы веселиться и прыгать, как мартовский заяц, ну и что? У всех у нас свои личные интересы.

– А я спою! Еще как! И принесу победу редакции!

Он крутанул головой и двинул на сцену. Девушка из "Провокации"спокойно отдала серебристый микрофон парню с бородой. Виктор расставил ноги на ширине плеч и начал было исполнять песню про некую шалаву, из-за которой он, молоденький и несмышленный, попал на нары к свирепым уродам. Мы с Вероникой захохотали на весь зал. А почему бы нет? Виктор был похож на беглеца, целый месяц скрывающего свою тень от преследователей. Вон борода как выросла! А побриться некогда: того и гляди догонят и тогда не жди пощады. Пощады не будет! Нашим ушам –точно. Он не допел. И мы притихли. Что его смутило? Он подошел к управляющему залом и что-то шепнул. Пошла другая музыка. Поза оставалась той же: ноги на ширине плеч. Мы притихли еще и потому, что по первым строкам узнали знаменитую песню про войну " Последний бой".И пел ее Виктор с душой, как говорится. Значит, может. Только стесняется. Он набрал девяносто четыре балла и тихо сел рядом с нами. Но только не между.

В бой вступил фитнес-центр. И качок в красной майке начал страдать под Билана. Виктор вернулся к барной стойке и заказал себе еще одну рюмку горькой.

– Может, нам тоже?– спросила я.

–Для храбрости?

– Да. Вон как человек раскрылся. Хлебнув всего ничего.

– А потом кто нас до дома дотащит?

– А никто и не заметит. Мы быстренько. Активненько. Иначе Артем решит, что мы алкоголики и нам никак нельзя доверять страницы городской периодики.

Вероника согласилась со мной. И под прыжки фитнес-инструктора мы чуть-чуть выпили. На диван мы присели втроем. Но тут же Артем Аркадьевич не дал нам опомниться и захолопал изо всех сил. Мы поняли, что пора и нам "дать жару". Мы пели в один микрофон развратную песню "Серебра". То, что она развратная, потом нам высказал Виктор.

– Ну все! Мы первые! Я так люблю караоке, ребята! И девчата, – довольно произнес директор, улыбаясь во всю ширь.

– Подождите. Еще рано.

– Да все ясно! Эти товарищи нам не друзья. И не соперники. Девяносто шесть – какая шикарная цифра. Пускай подольше попрыгают, может, научатся в ноты попадать. А девяносто шесть – это дело.

– А Вы слышали, как Виктор спел про войну?

– Нет. А где я был?

– А где Вы были? – Виктору самому стало любопытно, как мог главный пропустить его выступление.

И мы все уставились на директора. Он неловко глянул в ту сторону, где отдыхала управляющая фитнес-центром. Дама на высочайшей шпильке и с бокалом на высочайшей ножке. Вот она, любовница. Или скромнее: женщина мечты главного редактора "Вечернего Проспекта". Он был так очарован, что не услышал и не увидел премьеры своего подчиненного. То же мне! "Родной коллектив"! Променял нас на спортивную мадам. Нетрезвую, к тому же.

– Мне было нужно узнать их секретный план, – отвертелся Артем.

Но Виктора не устроило подобное равнодушие. И он уныло опустил бороду.

– А... спой еще! Там есть другие патриотические песни! Да уверен, что есть другие. Хорошие. Про Родину. Я буду аплодировать. Подбрось нам тридцать очков.

– Виктор набрал девяносто четыре балла! – громко сказала Вероника.

– Тем более! А ты скрывал свою любовь к патриотической песне! Выходи!

Ничего не оставалось Виктору, как второй раз за свою жизнь выйти на сцену. Он начал петь что-то современное, про нашу армию и мощную обороноспособность. А у меня "зазвонил телефон". Я побежала в туалет. В женскую дверь выстроилась очередь. Но я видела, кто звонил, поэтому без ложной скромности закрылась в кабинке мужского туалета. Боялась, что звонящий переключится с меня на хихикающую неподалеку психопатку в черном балахоне. Конечно, психопатку. В этом я не сомневаюсь.

– Где ты? – закричала я, словно и в туалете гремела бесконечная музыка.

– В парке. Тут еще рядом библиотека. Такая новая.

Ясно. Я выбежала на улицу и глубоко вдохнула вечернего воздуха. А то от сигаретного дыма становилось немного не по себе. Я села в такси и понеслась в парк. Можно было пойти бодрим шагом на автобусную остановку. Я же догоняла Игоря, как будто это просто гений мировой культуры! И если я не успею на его пресс-конференцию, он укатит в Берлин и появится в России еще лет через пятнадцать. Ах, у гения мировой сцены так много дел, так много, что он еле согласился на мое интервью. Согласился! Дать интервью какой-то провинциальной газетенке!? Нет, как я могу так пренебрежительно о самой-самой любимой? Дать интервью образованной и уверенной в себе девушке. Если на дне молодежи он не обратил на мой внешний вид никакого внимания, то сегодня, при ярком свете фонарей, он просто обалдеет от моих узких брюк и обтягивающей футболки. От моей груди, в конце концов. В конце концов, он мужик или нет? Оценит и расскажет все, в мельчайших подробностях. И про личную жизнь тоже. Куда он денется? Ему, как начинающему музыканту, нужна слава и деньги, вытекающие из славы.

– А без сдачи не найдется? – глухой голос таксиста прервал мои мысли.

Я собрала в кулак всю мелочь из кошелька и две сотни. Я побежала мимо скамеек в парке. Слева и справа поставили новых скамеек, с витиеватыми коваными ножками. Где

же он? А не ошибусь ли я, повернув не к тому? Помню, выше меня ростом. Это главное его отличие от остальной группы неизвестных людей? В парке было многолюдно. Семейные пары с маленькими детьми гуляли медленно и наивно. Мамаши с объемными колясками создали кружок по интересам и что-то эмоционально рассказывали, перебивая друг дружку. Нет, я никогда не превращусь в ту, чьи интересы ограничиваются кричащими памперсами. Я все еще шла быстро, поворачивая голову во все стороны. Я даже вспотела. От напряжения.

Вот он! Стоит у библиотеки и разглядывает обложки книг сквозь темное стекло. Я узнала его не по росту, а по волосам шоколадного оттенка. Какой шикарный эпитет придумало мое воображение: шоколадный! Талант!

– Игорь!

– Алиса! Энергия!– он оторвался от стекла, и я, наконец, притормозила.

– А...Привет! Что увидел?

– "Самоучитель по игре на гитаре". Странно, у меня дома нет таких книг.

– Ну, конечно...Зачем? Ты и так все умеешь. Поговорим?

Он был одет в черную тканевую куртку и мятые джинсы. С гитарой в чехле за спиной. Мы присели на лавочку. И сразу же опустили глаза на аккуратно выложенную кубиками брусчатку.

– А где ты был все это время?

Мне казалось, что после нашего первого шапочного знакомства прошло не меньше месяца. И почему я так легко смогла обратиться к нему на "ты"? А сколько ему лет?

– А сколько тебе лет? Ты младше меня?

– Двадцать восемь. Ненамного, как видишь, я тебя младше. Алиса.

– Я вижу, как ты балдеешь от моего имени.

– Ха-ха! Я прав оказался, прав? Что сказал отец? То же, что и я! В честь кого ты получила свое редкое имя?

И Игорь посмотрел на меня прямо и уверенно. Боже! Я никогда не видела глаз прекраснее. Мне показалось, что если смотреть в них долго, можно потеряться во времени и пространстве. Можно навсегда забыть и то, на какой планете ты находишься, и то, как тебя зовут. Можно запросто почувствовать, как земля уходит из-под ног и запросто упасть в обморок. Я замерла. Мое сердце перестало отчаянно биться, а дышать...Разве я способна дышать? Разве моему организму нужна эта функция- дыхание? Разве существует в природе что-то более огромное и притягательное? Возможно ли это?

– А? Алиса?

Я вскочила. Мои щеки запылали, как знамя Советского Союза. Я не могу, не могу сидеть плечо к плечу, осознавая посторонних и потусторонних. Я не смогу сосредоточиться среди толпы мирно гуляющих жителей родного города. И я отвела Игоря в находящуюся поблизости кафешку. Где мы, наконец, смогли сесть друг напротив друга.

– Прав, точно. Отец признался, что каким-то невероятным способом они с коллегами по заводу аппаратуры достали запись Ленинградского рок -клуба.

– Его так вдохновила эта музыка, что он дал тебе имя в честь группы. Я угадал! Я так сразу и подумал!

– Только не понимаю, зачем надо было от меня скрывать истину.

– Я больше не знаком ни с одной Алисой, кроме тебя. Задавай вопросы. Я готов.

–Ого! -улыбнулась я и отпила апельсинового сока.– А если бы меня звали Варвара или Машка, ты бы даже визитку не прихватил? Значит, все-таки мое имя обладает великой энергией. Энергией притяжения. Как тебе наш город? Это вопрос номер один.

– Город как город,– пожал плечами Игорь.– Ничего особенного. Деревья, лавки, дети, бабки.

– Это неправильный ответ.

– А ответы бывают правильными и нет? Я думал, можно говорить то, что считаешь нужным. Я всегда говорю правду.

– Понимаешь, читателю хочется услышать, что вот наш город особенный. И привлёк группу из почти столицы чем-то особенным.

– В гостинице персонал вежливый. И сама гостиница, видно, что новая. В стиле хай-тек. Нашему барабанщику там вообще понравилось. Да! И памятник рядом. Вокруг рябина растёт, а памятник посередине. Тоже новый, заметно.

– Уже лучше.

– А по пути к аэропорту тоже памятник. И деревья, видно, что над ними работали дизайнеры. Такие фигурные. У нас в Питере тоже полно таких, разной формы. Ты была в Питере?

– Нет. Но я знаю, что все, кто там побывал, возвращаются в полном восторге. От всего увиденного.

– Ну да. А ещё у нас рок-клуб! И не один!

– Поехали дальше. Как тебя встретила наша публика на дне молодежи?

– Встретили хорошо. Девчонок много было. Я видел. Заметил.

– Малолетние школьницы, – не смогла промолчать я, нажимая сильнее на шариковую ручку.

– А? Да? Девчонки прыгали. И это хорошо, я так думаю.

– А ты любишь, когда малолетки незрелые вокруг орут?

– Ну я конкретно не пою вот для кого-то. Пускай приходят те, кому интересен панк как направление. Что касается именно девчонок, то я мужик, как я могу их не заметить.

– У тебя есть невеста? Уверена, что есть. Кто-то же должен сидеть в первом ряду на твоём выступлении.

Я не успела услышать ответа. Вероника прорывалась ко мне сквозь песню "Серебра", которую я поставила в качестве звонка. Не сама поставила, помогли умные люди. Если в компе я ещё разбираюсь, а на рабочем месте с помощью ловких рук и "никакого мошенничества" Виктора, то скачать мелодию для звонка на мобильный мне помогают. Темный и крайне неинтересный лес.

– Я сбежала?.. Ну и хватит с меня одной песни на этот вечер... Пускай другие приносят победу... Да! Я на служебном задании. Нет, одна... То есть не одна, но как бы никакого интима. Ты меня знаешь, я ничего не скрываю от подруги... Так что... Да, сбежала. Но не бросила... Он не обидится, когда увидит результат, – ответила я, имея ввиду мою будущую статью.

– Что качается моего творчества... – продолжил было Игорь совсем не с того места. – А это что у тебя звучало?

– Сейчас? Вероника. Журналист с отдела новостей.

– Нет, музыка. Танцевальная?

– Сейчас? "Серебро". Очень модная, веселая, развратная, как считает наш программист. То, что крутят везде. И приносит неплохой доход.

– Нет, не знаю.

– Да знаешь, по-любому! Там три девчонки. Включи любой канал музыкальный, там их клипы. Каждый день по сто раз.

– Нет, не знаю. Я телек редко смотрю. А новости можно и в интернете прочитать. Это твоя любимая группа?

– Есть более любимые. Я слушаю разную музыку. Кроме рэпа точно.

Я поставила эту самую мелодию звонка и поднесла телефон к его уху.

– Выключи! Меня сейчас затошнит!

Я спрятала телефон в сумочку. Все-таки я не оправдываю своего имени и никогда не стану музой панк-гитариста.

– Так я продолжаю. Что касается моего, вернее, творчества нашей группы. Группа называется "Вечный покой".

– Ты хочешь умереть?– спросила я Игоря.

– Я хочу жить.

Дожди, дожди проливались над летним городом. Превышали все мыслимые климатические нормы в несколько раз. Я прикасалась к стеклам подушечками пальцев. Мне хотелось утешить небо, стереть его слезы, избавить от мучительного плача. Всю неделю как будто удары в большой барабан. По ночам. И я просыпалась, чтобы прикоснуться к стеклу на кухне.

К чему я купила платье с глубоким декольте, если на этой неделе мне предстоит ходить в куртке, застегнутой до подбородка. Платье приобрела на распродаже в магазине, может, и не придется похвастаться обновкой при таком водопаде. Хоть бы солнце! Хоть бы сухой асфальт!

Я сидела в сети и тратила свободный выходной за игрой в знаменитую "Косынку". Наверно, для Виктора эта игра- детский лепет. А мне нравится, особенно под музыку. Всякую разную. Кстати, где страница Игоря? Найти его страницу не составило большого труда. А друзей у него аж полторы тысячи! Так...и онлайн одни девчонки. И на стене моего нового знакомого открытки от школьниц. Конечно, вот это "чудо в перьях" вряд ли невинного возраста, ну да пускай все они будут называться школьницами. Господи! Забросали бедного несчастного мальчика своими признаниями в любви, ни к чему не обязывающей. А про семейное положение он мне не рассказал, оказывается. Пропустил мимо ушей. Умышленно ли или чисто случайно прослушал, отвлекся? А если специально захотел сделать из личной жизни тайну, то зачем? Чтобы привлечь большее количество поклонниц? Ведь никому не нужен кумир, если он женат. Падает количество скачанных альбомов. И здесь та же тишина. Но раз девчонки шлют красивые картинки с сердечками и мраком ночи, то они более осведомлены, чем я? И каждая надеется стать его музой. Не женат, скорее всего. Зачем ему одна-единственная баба, если на концерте в каком-нибудь городе можно схватить любую фанатку и потащить на второй этаж гостиницы. Так...девчонок хватает. Я не откажусь стать еще одним другом по сети. Готово! Я прошу добавить меня в друзья. Как скоро он реагирует на такие приглашения? Ничего, меня не обломает постоять в очереди. Тем более, повод-то есть! Наш самый главный радовался не меньше моего, когда я принесла интервью. И фото еще с того самого дня молодежи. Получилось издали и в полный рост. Но не фотка тут занимает ведущую позицию. А его рассказ о стиле музыки, о своей питерской группе и о впечатлении о нашем городе. Как только номер увидит свет, я сообщу на его стене во всеуслышание, какая я молодец.

– И кое-кто говорил, что между вами ничего не было?

Перед моими глазами упал свежий номер "Вечернего Проспекта". Упал прямо на клавиатуру с легкой подачи Вероники. Вернее, по ее выражению лица понятно, как она недовольна и раздражена.

– Ничего. А кто сказал, что было?– начала я разворачивать газету, чтобы найти результат моего труда.– А! Классно! Это я, правда! Какая длинная ...

– Ты врешь лучшей подруге!

Я отложила газету до момента, когда коллега улетучится и начала искать глазами пустой стул, но так и не нашла. Куда подевались все стулья? Надо же посадить Веронику, а не то она стоит надо мной, как Эйфелева башня- гордо и слегка надменно.

– Я тебе сказала все, как есть. То есть было. То есть не было у нас ничего такого.

– Какого цвета его глаза?

– Ну Вероника...

– Ну? Я же знаю, как ты любишь обращать внимания на мужские глаза! Они заводят тебя не по- детски. Ну? Раз...два..

– Зеленые!

Нет, Веронику решительно надо куда-то усадить. Она не собиралась покидать мою территорию. И ждала только ей известных подробностей.

– Большие, я бы даже сказала, огромные, как море, зеленые глаза. Очень красивые. Все? Какие эпитеты тебя устроят?

– И ты продолжаешь скрывать... Эх!

– Да, я разглядела его от и до, – снизила я голос до шепота, – но домой-то я его не потащила.

– А откуда я знаю? Он целый час или два рассказывал тебе про свои песни и даже не захотел залезть тебе под юбку?

– Я была в брюках, если ты помнишь тот вечер в караоке.

– И что? Еще скажи, что даже не влюбилась в этого неформала.

– Честно? Не успела. Этого мало. Одна беседа.

И чтобы отправить Веронику на митинг акционеров строительной компании, мы договорились послушать песни Игоря у меня дома, чтобы оценить всю правоту его слов.

– Артем Аркадьевич, – я заглянула в кабинет главного, – правда, у меня получилось весьма неплохое интервью?

– Правда, – сухо ответил Артем Аркадьевич, делая пометки на полях простым карандашом. Он даже не посчитал нужным взглянуть на меня.

– Мне отложите пять экземпляров.

– Куда столько? На улице раздавать прохожим?

– Отцу покажу. Как благодарность за то, что меня назвали в честь рок-легенды.

– Как тебя назвали? – он нахмурил лоб. – В честь кого? Макаревича?

– Шутите?

– А как же! Конечно, в честь БГ! Он вообще самая – самая легенда из всех. Куда ты собралась? С Вероникой? Митинг не по твоей части.

– Вот поэтому я еду в театр кукол.

– Опять? Банально. Ты со своими куклами скоро сама тут будешь порхать, как стрекоза.

И он засмеялся на весь кабинет. Потом по телефону позвонили, и он махнул мне простым карандашом, зажатым в руке, чтобы я спешно покидала его кабинет.

Театр кукол "Буратино" готовился к закрытию сезона. Мой сорокалетний директор, он же режиссер, он же обладатель самого оливкового из всех оливковых свитеров на свете сидел в центре первого ряда. Он расстроено почесывал виски и время от времени кашлял в кулак. На сцене же Мишка и его лесные приятели выглядывали из-за ширмы. Почему-то Ежик обладал старушечьим голосом. Кажется, я не ошибусь, если он держится на руке бабульки, прошедшей Гражданскую войну.

– Не хрипи, не хрипи, – выдавал Кирилл указания. Не то белке, не то лисице.

Я присела рядом и начала рыться в сумочке. Он заметил мой приход, но не посчитал нужным даже поздороваться. Привык, видимо, к моим внезапным посещениям и ежемесячному присутствию в зале.

– Леша! Ты простыл или как тебя понимать? Где веселье? Где задор?

– Здравствуйте! У вас лисица простыла?

– Не лисица. А бельчонок. Леша! Это сказка для самых маленьких.

– Вы закрываете сезон?

– Мы закрываем сезон, – сказал Кирилл и вздохнул. – Идет репетиция. Уже все готово к показу. Начало в двенадцать.

На ширме, изображающей лес, показались все персонажи. Тут Кирилл Леонидович поднялся, пощупал Мишку, похлопал по плечу белку. Я сидела и умилялась. Вот он, любитель детей. Вот он, будущий отец. Любящий, готовый все свое свободное время отдавать на развитие и воспитание талантливых любознательных детей. Его даже переделывать не придется.

Подгонять под некий шаблон. Он уже идеален во всех смыслах. Хотя кому-то все же придется взять на себя роль строгого и принципиального родителя. Значит, этим строгим стану я. В нашей семье. Если не брать во внимание, что Сметанин женат и довольно-таки давно. И к нам редко заходит. Так и вижу, как глава семейства по субботам устраивает спектакли с надетыми на руку куклами, задействуя малышкой.

– Он тебе еще глаза не намозолил?

Вероника присела на моем диване с чашкой зеленого чая. У меня лежала в кухонном шкафу пачка. Но так и не пришлось по вкусу, поэтому я ее отложила до лучших, вернее, худших времен, когда пить станет совсем нечего. А Вероника нашла пачку чая, когда искала штопор. И теперь сидела в моих мохеровых носках и пила жидкость еле-еле напоминающую зеленый цвет.

– А тебе не намозолило пить всякую дрянь?– задала я ответный вопрос.

– Говорят, от него худеют.

– Куда тебе худеть?

– Сама знаю, куда. Есть такие места. Сбоку. Ты давай зайди на мою страницу, смени мою аватарку.

– А дома? Сама не можешь?

– Дома! У меня на днях ноутбук сгорел!

– В ремонт отдала?

– Отдала! Ищи. Не понимаю я тебя, Алиса. Что ты нашла в этом кукольнике? Сразу говорю, он беден, как все его кошки-мышки. Туда же никто не ходит. Кроме детского сада. Ну сколько он получает? Семь тысяч? Да и вообще... как можно целые дни проводить с тряпками?

– Мы сами такие. Полные шкафы. Не тряпки?– я сидела за столом, выслушивая подругу и нажимая одну клавишу за другой.

– Уверена, что твои зарисовочки про его игрушечки никто не читает.

– Угомонись, подруга. Что ты там в чай подмешала? Не коньяк ли случайно?

Я открыла страницу Вероники в одной из социальных сетей. На ее стене после стандартных картинок "сильной женщины" я с удивлением обнаружила присланный кем-то пышный букет роз. Незнакомец оказался старым знакомым. Это был Виктор. Что? Виктор-романтик? Каким образом букет пусть даже нарисованных, но все-таки роз мог сочетаться с бородой императора?

– Ты это видела?– я развернула ноутбук в сторону дивана.

– Как он мог? Да, в разведку с ним точно не сходить. Мог бы и промолчать, кстати.

– Как он мог? Ты, выходит, спала с ним? Выходит, это я плохая и скрытная подруга?

– Не смотри на меня так. Я была трезвая. Самой стыдно.

Вероника пила чай, накручивая локон на палец. Потом она скинула носки на пол и предалась вчерашним воспоминаниям. Вероника отнесла свой ноутбук в мастерскую и по пути зашла к Виктору. Ничего личного, чтобы поделиться переживаниями и найти поддержку у ценителя Гугла и Яндекс. Виктор проводил время в Древней Греции, возводя великие стройки. Он посочувствовал коллеге в красной мини-юбке, протянул платок и усадил рядом. Даже разрешил построить колодец! И даже пекарню! И даже положил крепкую ладонь на ее колено. Нанимать недостающих рабочих за определенную плату не пришлось: Виктор сам справился с нарастающим волнением. И виртуальные игры перешли в реальные.

– И ты была у него первой?

– Не смешно,– отвернулась Вероника.

– А чего ты хотела? И это еще цветочки! Он тебя не скоро забудет. Какую фотку ставить на аватар?

– Забудет. Думаешь, он не смотрит порно? Нет такого мужика в наше время, которого удивит голая баба. И он прямо на месте рухнет.

– Я думаю, ему и во сне не могло показаться, что у него будет связь с такой красоткой, как ты. Хорошо, ставлю ту, где ты на выставке кошек.

– Конечно, я тупо поступила. Если он говорил, что мы слушаем развратную музыку, то теперь начнет всем рассказывать, какой разврат я учинила у него дома.

– Не начнет. Он не болтун, а молчун. Ладно, было и было. Захотелось молодому телу получить немножко сказочных ощущений... Готово!

Вероника поставила на стол недопитый чай и посмотрела на свою страницу. Обычная фотка: девушка прижимает у щеке полосатого кота. Большого полосатого кота. Наверно, он занял первое место на этой самой выставке.

– Фигня! Удали!

– А мне нравится.

– А мне нет! Верни старую. Там хотя бы видно, какая я умная: вся стена в редакции. И грамоты редакционные.

– Да я тебе все утро говорила о том же. Сама ныла, что она уже месяц висит.

– Ну пускай еще месяц повисит. А чай у тебя, между нами говоря, так себе. Никакого вкуса.

И я оказалась права. Через день, еще до прихода Вероники на свое рабочее место, ее стол украшала ваза с оранжевыми герберами. Эх, а меня так сильно никто не любит. Хотя цветы на виду у всего коллектива- это перебор, по-моему. Личные отношения надо хранить, как шкатулку с секретом. Открывать и закрывать только наедине с тем, кто занял твое сердце. Ну и подружку можно поставить в известность, если там что-то серьезное намечается.

– От кого? Странно...– сделала Вероника вид, что совсем не поняла, кто же принес и поставил цветы в корпоративную вазу.

– Действительно, странно,– отозвалась я.– А спроси сама.

Вероника переставила букет на подоконник. Тем самым показав, как она безразлична ко всему живому: цветам, мужчинам... Она хранит в мечтах встречу в живым павлином. Но пока не ясно, когда эта долгожданная встреча состоится, ей внимание лишних людей как бы ни к чему.

Виктор нарисовался к обеду ближе. Он сегодня –само солнце. И сияет, и футболка желтая. Он бодро зашагал, потирая руки, словно предвидел приближение грандиозных событий.

– Приветик! Опять слушаешь муть?– он глянул на экран моего компьютера. А я читала новости с кинофестиваля.

– Нет! Никакого разврата, разочарую тебя.

– Никакого? А мне понравилось в вашем караоке! И песня ваша, дурацкая, но поется весело, без напряжения.

Он подошел к объекту своего преклонения. Вероника что-то чертила или перерисовывала на листе бумаги. Она посмотрела на Виктора и начала штриховать. Довольно агрессивно.

– Чего? Привет!

– Утро доброе!

– Заняться нечем? Со всеми болтаешь? Как болтун.

– Я приехал с нашего телеканала. Показал наши материалы по поводу приезда в город первого зама. Пускай корреспонденты готовятся к приезду высокого гостя. В аэропорту, во всяком случае, уже все готовы. Охрана, полиция.

– Это по поводу нового оборудования на заводе? Давно пора, одно старье, заржавело, небось.

– Как тебе цветы?

– Цветы? Нормально. Но мог бы потерпеть,– равнодушно ответила Вероника.– Отдал бы после работы. В выходные. А тут, на всеобщее обозрение.

– Пускай привыкают.

– К чему? К тому, что Витенька у нас- находка для шпиона?

– Зря. Зря! Я могу молчать, а могу и высказаться. Я свободен.

Он достал из кармана множество флешек, похожих на семечки, таких же мелких и черных, и скрылся в кабинете главного. Я глянула на подругу с презрением.

– Я пошутила,– тихо произнесла она.– Он просто не понял, что это шутка.

– Сама скажи! А то дала...

– Тихо!

– ...Дала надежду, а сама недовольна еще.

Приятно, когда тебя узнают во дворе. Когда старики курят и здороваются. Когда бабушки идут в магазин и здороваются. Когда сосед спортивного телосложения утром выходит к своей иномарке и улыбается. Уважают. Что ни говорите, а быть звездой, пусть и в масштабе трех небольших дворов приятно. Лукавят люди с центральных телеканалов, когда говорят, что типа "как они устали от всеобщего внимания". Ерунда! Идешь домой, киваешь в ответ на приветствие. Только положительные эмоции. Как-то не пришло никому в голову облить меня кислотой от зависти к моему скромному успеху. Мать узнают и меня тоже начали узнавать. Сегодня, например. Подхожу к домофону, пытаюсь достать связку ключей.

– Алиса, че? Как дела?– спрашивает сосед с первого или со второго этажа. Только школу закончил.

– Нормально.

– Это твоя статья? Про "Вечный покой",– закуривает его приятель с земляным цветом лица.

– Да-да! Она журналист, пишет про город.

–Моя статья,– улыбаюсь я обкуренным деткам.– Интересно?

– Я читал. Я тоже хочу в Питер. Куришь?

Приятель соседа протягивает мне пачку самых дешевых сигарет. Что-то я никак не могу найти ключи. Где же они? Во внутреннем кармане сумки?

– Нет. А! Вот они! В Питере много рок -клубов. Не то, что у нас. И почти все живые легенды живут именно там. Ну я побежала,– отвечаю я и бегу по ступенькам вверх.

Узнали и к тому же прочитали ! Любят группу Игоря! Приятно! Поэтому не надо тут "ля- ля",если у тебя самой звездная болезнь. А я не обладаю симптомами звездной болезни, только уверенностью в своих силах.

Я открыла дверь и впустила Веронику. Она прижимала к груди бутылку дешевого сухого вина. Даже в пакет не положила. А на виду у всех прохожих вышла из магазина за углом, не скрываясь и не пряча своих лишенных повода намерений.

– А почему не в пакете? А повод?– вместо радости я забросала ее ворохом вопросов.

– Потому что больше ничего нет. А повод? А разве двум девушкам нужен особый день, особый повод, чтобы чуть скрасить свое одиночество?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.